

УДК 342.728

И. В. ШАХНОВСКАЯ

ПРАВОСПОСОБНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь, e-mail: irochka15012@yandex.ru

Проводится анализ прав и обязанностей социальных общностей в конституционном праве. Автором предлагается разделять конституционные права и обязанности на универсальные и специальные, приводится их примерный перечень на основании конституционно-правовых норм. Определяется момент возникновения правоспособности «организаций» и «общностей людей» как разновидностей социальных общностей в конституционном праве.

Ключевые слова: социальные общности, «организации», «общности людей», правоспособность, коллективные субъекты права.

I. V. SHAKHNOVSKAYA

LEGAL CAPACITY OF SOCIAL COMMUNITIES IN CONSTITUTIONAL LAW

Belarusian State University, Minsk, Belarus, e-mail: irochka15012@yandex.ru

Author of the article analyzes the rights and responsibilities of social communities in constitutional law. The author proposes to divide the constitutional rights and obligations for universal and special. It is their approximate list based on constitutional and legal norms. Determined by the time of the legal capacity of «organizations» and «common people» as a kind of social communities in constitutional law.

Keywords: social community, «organization», «community of people», the legal capacity, collective entities.

Введение. В теории конституционного права уделяется большое внимание индивидуальным правам человека, проблемам конституционно-правового статуса человека и гражданина. В то же время такая научная категория, как «правоспособность коллективных субъектов права» остается «вне поля зрения» ученых-конституционалистов.

Цель статьи – исследовать понятие правоспособности социальных общностей как разновидности коллективных субъектов права.

Основная часть. Вопросы, касающиеся прав и обязанностей социальных общностей, становятся объектом конституционно-правовых исследований с момента возникновения «третьего поколения» прав человека – «прав народов». Однако изучение таких прав в основном касается только коллективных прав, прав меньшинств, этнических общностей. Понятие социальной общности охватывает более широкий круг объединений людей как институтов гражданского общества. Их права и обязанности могут принадлежать отдельным индивидам, входящим в ту или иную общность, а могут относиться к социальной общности в целом. Об этом речь пойдет ниже.

Как справедливо пишет Е. В. Титова, «современное состояние разработанности проблемы конституционной правосубъектности едва ли можно признать удовлетворительным. Практически во всех учебниках по конституционному праву о правосубъектности участников конституционно-правовых отношений либо упоминается вскользь, либо не упоминается вовсе» [2, с. 28]. Отметим, что правоспособность социальных общностей в целом, как правило, не рассматривается.

Говоря о социальных общностях как субъектах конституционно-правовых отношений и об их правоспособности как одного из элементов правосубъектности в целом, необходимо «очертить» круг тех социальных общностей, о которых пойдет речь. Поскольку в науке конституционного права отсутствует единый подход к понятию социальной общности, мы предлагаем «включать»

в него все коллективные объединения людей как институты гражданского общества, речь о которых и идет в ч.1 ст.14 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) [2]. Однако здесь необходимо сделать оговорку. Если рассматривать социальные общности именно в качестве субъектов конституционно-правовых отношений, то нужно ограничиться лишь теми из них, которые реально имеют (могут иметь) права и обязанности в конституционном праве. Более подробно об этом чуть ниже.

Еще одно наше предложение касается того, что все социальные общности как субъекты конституционно-правовых отношений по степени внутренней организации можно разделить на две группы: формализованные структуры («организации») и неформализованные структуры («общности людей»). «Организации» – это зарегистрированные в установленном порядке независимые объединения людей со своей внутренней структурой, правилами жизни и деятельности, которая в большинстве случаев регламентируется уставными документами. По тексту Конституции [2] можно «проследить» следующие организационно-правовые формы таких структур: политические партии (ст. 5), объединения нанимателей и профессиональные союзы (ч. 2 ст. 14), религиозные организации (ст. 16), общественные объединения (ст. 36). «Общности людей», как правило, не имеют определенной внутренней структуры, не имеют в своем составе органов управления, их деятельность не регулируется уставными документами. Исходя из этого, особенности конституционной правоспособности этих двух групп будут рассмотрены нами отдельно.

Понятие правоспособности в достаточно полном объеме исследовано в рамках гражданско-правовых наук. Как отмечает Е. Г. Белькова, «правоспособность является обязательной общей предпосылкой для возникновения любого конкретного гражданского правоотношения, приобретения и осуществления любых гражданских прав и обязанностей» [3, с. 54]. Понятие конституционной правоспособности должно пониматься в таком же смысле.

Рассмотрим вкратце, какими правами и обязанностями обладают социальные общности в конституционном праве. Условно их (права и обязанности) можно подразделить на универсальные и специальные. Универсальные конституционные права и обязанности имеют отношение ко всем социальным общностям (как формализованным, так и неформализованным структурам). Они установлены, как правило, Конституцией, могут быть прямо закреплены законодателем, а могут «выводиться по смыслу», исходя из иных конституционно-правовых норм. Их содержание направлено на конкретизацию положений ч. 1 ст. 1 Конституции, а именно на более полное «раскрытие» принципов демократического и правового государства. Специальные права и обязанности закреплены, как правило, в специальных законах, определяющих конституционно-правовой статус отдельной социальной общности («Об общественных объединениях», «О политических партиях», «О профессиональных союзах» и др.).

К числу универсальных прав, которые имеют обе разновидности социальных общностей (предложенных нами выше), можно отнести:

а) право «иметь» свою идеологию. В самом общем смысле под идеологией понимается определенная система представлений, идей, которая выражает интересы различных субъектов – политических партий, общественных объединений, общественных движений, иных объединений людей, социальных групп. В соответствии с ч. 2 ст. 4 Конституции «идеология политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан» [2]. В данной конституционно-правовой норме законодателем прямо закреплены субъекты, которые «могут претендовать» на свою идеологию. В числе таких субъектов общественные объединения, политические партии, религиозные организации («формализованные структуры»), а также социальные группы («неформализованные структуры»);

б) право на взаимоотношения с другими социальными общностями. Данное правомочие вытекает из нормы ч. 1 ст. 14 Конституции, в соответствии с которой «государство регулирует отношения между социальными, национальными и другими общностями на основе принципов равенства перед законом, уважения их прав и интересов» [2]. Отметим, что использование законодателем союза «между» напрямую указывает на возможность взаимодействия;

в) «право на существование». Сам факт признания Конституцией и иными актами конституционного законодательства определенных социальных общностей в качестве субъектов конституционного права означает их право «существовать, иметь права и исполнять обязанности»;

г) право пользования государственными языками при реализации всеми социальными общностями своих конституционных прав и исполнения обязанностей. Данное правомочие «напрямую вытекает» из ст. 17 Конституции, закрепляющей равный статус двух государственных языков;

д) право на свободное выражение мнений и убеждений. Согласно ч. 1 ст. 33 Конституции «Каждому гарантируется свобода мнений, убеждений и их свободное выражение» [2]. Употребление законодателем в данной правовой норме слова «каждый» подразумевает, на наш взгляд, не только всех физических лиц (граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства), а всех субъектов конституционного права, в перечень которых входят и социальные общности. Данное право может быть ограничено в соответствии с нормами конституционного законодательства. К примеру, ч. 3 ст. 5 и ч. 3 ст. 16 Конституции содержат определенные запреты на выражение мнений и убеждений;

е) право на судебную защиту. В соответствии с ч. 1 ст. 60 Конституции «каждому гарантируется защита его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки» [2]. Между тем преобладающий массив конституционно-правовых исследований посвящен изучению «права на обращение в суд» применительно к человеку. Защита прав социальных общностей остается «за гранью» исследований. В то же время ст. 6 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь [4] «включает» в круг субъектов обращения и юридических лиц (к которым и относится определенная часть социальных общностей). Международная судебная практика показывает, что субъектами обращения в суд могут быть и различные меньшинства, группы людей. В качестве примера можно привести дела, рассмотренные Европейским судом по правам человека, а именно: вождь Бернад Оминак и племя озера Любикон против Канады, Мауика и др. против Новой Зеландии и др. [5, с. 357].

К числу универсальных обязанностей следует отнести:

а) обязанность уважать права иных лиц и социальных общностей. Данная обязанность вытекает по смыслу из ч. 1 ст. 21 Конституции (принцип верховенства и обеспечения прав и свобод граждан) и ч. 1 ст. 14 Конституции (принцип равенства всех социальных общностей). Кроме того, ст. 53 Конституции устанавливает, что «каждый обязан уважать достоинство, права, свободы, законные интересы других лиц» [2]. Комментируя данную норму, Г. А. Василевич отмечает, что «по существу в ней идет речь о том, что права индивидуума заканчиваются там, где начинаются права другого человека» [6, с. 219]. Однако, на наш взгляд, данной норме нужно «придать» расширительное толкование: понятие «каждый» должно трактоваться как всякий субъект конституционного права, а словосочетание «других лиц» включать в себя как физических, так и юридических;

б) обязанность соблюдения запретов на осуществление деятельности, направленной на нарушение или ограничение прав и свобод других лиц и интересов государства. О существовании данной обязанности свидетельствуют положения ч. 3 ст. 5 Конституции (запрет на создание и деятельность политических партий, а равно других общественных объединений, имеющих целью насильственное изменение конституционного строя либо ведущих пропаганду войны, социальной, национальной, религиозной и расовой вражды) и ч. 3 ст. 16 Конституции (запрет на деятельность религиозных организаций, их органов и представителей, которая направлена против суверенитета Республики Беларусь, ее конституционного строя и гражданского согласия либо сопряжена с нарушением прав и свобод граждан, а также препятствует исполнению гражданами их государственных, общественных, семейных обязанностей или наносит вред их здоровью и нравственности);

в) обязанность соблюдать Конституцию и иные законы. Данная универсальная обязанность «вытекает» из принципа верховенства права (ст. 7 Конституции) и прямого закрепления за каждым данной конституционной обязанности в ст. 52 Конституции.

Все «формализованные» социальные общности являются юридическими лицами (об этом свидетельствуют нормы специальных законов – «Об общественных объединениях», «О политических партиях», «О профессиональных союзах» и др.). Но здесь мы должны понимать, что юридическое лицо частного права и публичного права – разные понятия. Первые из них осуществляют свою деятельность в сфере хозяйственного оборота, другие – в публично-правовой действительности. В. Е. Чиркиным было проведено отдельное монографическое исследование понятия юридического лица публичного права [7]. В результате автор предлагает следующее определение юридического лица: «признанное государством в этом качестве материальное и правовое

образование, имеющее имя и другие идентифицирующие признаки, выступающее в гражданско-правовых и (или) публично-правовых отношениях в различных организационно-правовых формах, обладающее имуществом, имеющее счет в банке, права и обязанности и несущее ответственность за свои акты и действия» [7, с. 81]. В данном случае предлагается «соединить» в одном определении два вида юридических лиц. На наш взгляд, под юридическим лицом публично-права (а применительно к терминологии, предложенной нами, – под «формализованной» социальной общностью) необходимо понимать независимое объединение граждан, зарегистрированное в установленном порядке, которое создано для защиты и (или) выражения общественных интересов (политических, социальных, культурных, религиозных и др.), имеющее права, обязанности и несущее ответственность в соответствии с нормами конституционного права.

Подходя к вопросу о правоспособности юридических лиц публично-права, В. Е. Чиркин [7, с. 92] считает, что такие субъекты одновременно правоспособны и дееспособны. В законодательстве Республики Беларусь момент возникновения и прекращения правоспособности юридических лиц решен. Так, согласно п. 3 ст. 45 Гражданского кодекса Республики Беларусь «правоспособность юридического лица возникает в момент его создания и прекращается в момент завершения его ликвидации» [8]. Следовательно, моментом создания необходимо считать момент окончания государственной регистрации, осуществляемой, как правило, Министерством юстиции Республики Беларусь. Если вести речь о правоспособности «общностей людей» («неформализованных структур») как второй разновидности социальных общностей, то здесь нет однозначного ответа. В науке сложились отдельные подходы к данной проблеме.

Во-первых, многие исследователи полностью отрицают какую бы то ни было правосубъектность любых общностей людей (этнических, социальных и др.) [9, с. 166; 10, с. 71].

Во-вторых, другая группа ученых наделяет правосубъектностью лишь отдельные группы временного характера (группы избирателей, группы граждан, осуществляющих законодательную инициативу) [11, с. 5].

В-третьих, существуют исследования, посвященные этническим общностям как субъектам конституционно-правовых отношений. Здесь отмечается, что данные общности все же должны обладать конституционно-правовой правосубъектностью, но к единому мнению по ряду принципиальных вопросов ученые так и не пришли [12, с. 356].

Представляется, что применительно к общностям людей вопрос о возникновении и прекращении правоспособности будет решаться по-разному. Это будет зависеть от их вида. К примеру, если это «искусственно созданные» общности (избиратели, инициативные группы граждан по реализации права законодательной инициативы, инициативные группы граждан по проведению референдумов, собрания граждан и др.), то момент возникновения их правоспособности будет связан с принятием отдельного правоприменительного акта (о назначении даты выборов, о регистрации инициативной группы граждан, о разрешении на проведение местного собрания в определенном месте и др.).

Другая ситуация, если это «естественные» общности – молодежь, женщины, дети, национальные общности, в том числе национальные меньшинства, этнические общности и др. В данном случае момент возникновения правоспособности может быть связан с проявлением этнического самосознания (этнические общности), национального самосознания (национальные меньшинства), факта принадлежности к определенному полу (женщины) и т. д.

По данной группе социальных общностей следует иметь в виду, что можно говорить как о неких «вымышленных сообществах», так и о реальных субъектах конституционно-правовых отношений. Под «вымышленными сообществами» нами подразумеваются определенные слои населения, которые выделяются по биологическому, социальному, материальному признаку, по признаку вкусовых предпочтений и т. д. Это молодежь, женщины, дети, вегетарианцы, охотники, рыболовы, богатые и бедные и др. Данные слои населения не проявляют себя как субъекты конституционно-правовых отношений и, так сказать, проявить не могут.

Наша позиция находит свое подтверждение в ряде проведенных социологических исследований. Так, О. И. Шкаратан и Н. В. Сергеев [13, с. 33] подразделяют социальные общности на номинальные (статистические) и реальные: «Под номинальными общностями необходимо понимать совокупность людей, выделяемую по некоторым признакам, имеющим смысл для целей конкрет-

ного исследования (по полу, возрасту и т. д.). Эти группы называются еще и статистическими, чем подчеркивается, что они не предполагают обязательных и непосредственных связей между относимыми к ним людьми, а также не раскрывают и сущностную сторону отношений» [13, с. 33]. Говоря о показателях реальности социальной группы (общности), указанные авторы [13, с. 33] в первую очередь отмечают, что реальные группы выступают субъектами реальных отношений.

В ст. 32 Конституции упоминаются такие «номинальные» общности, как молодежь, дети, женщины. Однако не стоит их относить к активным субъектам конституционно-правовых отношений. Это, на наш взгляд, уязвимые слои населения, которые государство берет под особую охрану. Необходимость такой защиты и охраны обусловлена провозглашением Республики Беларусь социальным государством (ч. 1 ст. 1 Конституции), после чего на государство легла обязанность по созданию условий для обеспечения всем достойного уровня жизни. Самостоятельно, в силу сложившихся естественных условий, данные группы не могут быть участниками конституционно-правовых отношений, а осуществлять защиту или представительство своих интересов могут только путем создания «формализованных» социальных общностей – «организаций» (БРСМ, Белорусский союз женщин, Клуб охотников и рыболовов и т. д.), речь о которых шла выше. Такие общности важны для проведения социологических исследований, например, для получения определенных статистических данных, однако в рамках нашего исследования изучается только конституционно-правовой аспект данной проблемы.

Выводы. По итогам проведенного исследования предлагается разделять конституционные обязанности всех социальных общностей на два вида: универсальные и специальные.

Что касается вопроса о моменте возникновения правоспособности социальных общностей в конституционном праве, то здесь необходимо определить, к какому виду социальных общностей относится субъект: к формализованным структурам («организациям») или неформализованным объединениям («общностям людей»). Для «организаций» (юридических лиц в конституционном праве) момент возникновения связан с моментом создания, а именно с моментом окончания государственной регистрации, осуществляемой, как правило, Министерством юстиции Республики Беларусь. Относительно «общностей людей» вопрос о правоспособности будет зависеть от их вида: являются они «естественными» или «искусственно созданными».

Список использованной литературы

1. *Титова, Е. В.* К вопросу о понимании правосубъектности в теории права и конституционном праве / Е. В. Титова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2010. – № 19. – С. 28–33.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.: Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=2101>. – Дата доступа: 24.11.2015.
3. *Белькова, Е. Г.* Понятие и сущность правоспособности / Е. Г. Белькова // Изв. Иркут. гос. эконом. акад. – 2006. – № 5. – С. 54–59.
4. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь от 11 янв. 1999 г. № 238-З: Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://www.pravo.by/world_of_law/text.asp?RN=hk9900238. – Дата доступа: 24.11.2015.
5. *Смит, Р.* Международная защита прав человека: пер. с англ. / Р. Смит. – Минск: Юнипак, 2013. – 424 с.
6. *Василевич, Г. А.* Конституция Республики Беларусь (науч.-практ. Комментар.) / Г. А. Василевич. – Минск : ГИ-УСТ БГУ, 2005. – 485 с.
7. *Чиркин, В. Е.* Юридическое лицо публичного права / В. Е. Чиркин. – М.: Норма, 2007. – 352 с.
8. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь от 7 дек. 1998 г. № 218-З: Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://etalonline.by/?type=text®num=НК9800218#load_text_none_1_. – Дата доступа: 24.11.2015.
9. *Малько, А. В.* Теория государства и права в вопросах и ответах / А. В. Малько. – М.: Юристъ, 1999. – 272 с.
10. *Алексеев, С. С.* Право: азбука, теория, философия: опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – М., 1999. – 712 с.
11. Государство и право буржуазных стран и стран, освободившихся от колониальной зависимости / под ред. Б. А. Стародубского и В. Е. Чиркина. – М., 1977. – 318 с.
12. *Леушин, В. И.* Правовые отношения / В. И. Леушин // Теория государства и права: учеб. / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Первалова. – М., 2000. – С. 356.
13. *Шкаратан, О. И., Сергеев, Н. В.* Реальные группы: концептуализация и эмпирический расчет / О. И. Шкаратан, Н. В. Сергеев // Обществ. науки и современность. – 2000. – № 5. – С. 33–45.

Поступила в редакцию 22.12.2015